

Виноградов А. В.

Долгий год

Александр Владимирович Виноградов

Долгий год

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29160734

Долгий год: Перо; Москва; 2017

ISBN 978-5-00122-021-3

Аннотация

Вашему вниманию предлагается сборник стихотворений Александра Виноградова «Долгий год».

Содержание

Осень	6
«Я живу между зимним и летним дождем...»	6
«Я не слышал последних, решительных фраз...»	8
Цвет неба	10
«Я ставлю прочерк своим мыслям...»	12
Тебе	14
«Я смотрю на огни неземных фонарей...»	15
«Развяжи мне глаза – я устал в темноте...»	16
«Я режу стебель розы косо...»	17
«Она не спит. Ей стало хуже...»	18
«Нежная девочка, ласковый мальчик...»	20
«Нежнее сомненья о точности чувства...»	22
«Мне приснятся твои поцелуи...»	23
Крона	24
«И даже нежное лицо...»	27
Зима	29
«За плиткой спрятана стена...»	30
«Если листья упали от ветра...»	31
Волчица	32
Поэт	34
«Куда зовет растаявший губами...»	35
«Нашедшим крылья для полета...»	36

Следы	37
Удержи	39
«Невесело... Прости мне грусть...»	40
«У нас дожди. Проснулись сновидения...»	41
«Кленовая желтая лента...»	43
«Ясна причина темноты...»	44
«Нет среди трав, растущих вверх...»	45
Косатка	46
«Ярки объятья...»	48
Осенние скидки	50
Анна	51
«И осень зиме признается в любви...»	52
Зима	53
Ангел	53
«А ночи дарится печаль...»	55
«Опять в глазах своя боязнь...»	56
Подойди	57
«Сомкни во мне свои запястья...»	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Александр Виноградов

Долгий год

© Виноградов А.В., 2017

© Дружинина Н., 2017

* * *

Светлой памяти Кокура...

Осень

«Я живу между зимним и летним дождем...»

Я живу между зимним и летним дождем.
Ближе к лету всегда я теплее.
Ну, а зимний отрезок холодным лучом
Мои руки ведет к онеменью.

Я от лета беру теплых листьев туман,
Холод утра и запахи ночи.
Я в зиме нахожу поразительный план:
Чем теплее, тем, значит, короче.

Я цвету, зацветаю и снова цвету,
Я скольжу, пропадаю в дороге.
И средь блеска отчаянья где-то в снегу
Нахожу тополиные клоки.

Я кружусь и кружусь посредине тепла,
И никто мое имя не спросит.
Ты подумала то, что я, верно, весна?
Ты ошиблась: я – желтая осень.

«Я не слышал последних, решительных фраз...»

Я не слышал последних, решительных фраз,
Я позволил себе чуть отвлечься.
Говоришь слишком тихо, что даже сейчас
Мне так слышно твою бесконечность.

Я не видел последних удачливых поз,
Хотя так бы хотел их поделать.
Я не в силах уйти от того, что замёрз
В недостатках своих и манерах.

Я, конечно, не тот, кто так нужен тебе,
Но рядом с тобою питаюсь.
Я чуть раньше уйду босиком, вдалеке
Лишь высокою тенью останусь.

Ты ко мне привыкай в чёрно-белых тонах,
Мы все краски оставим у лета.
Я не знаю в минутах ли, цифрах, годах —
Я не помню последнего света.

Говоришь слишком тихо, а стало бы ночь.
Пробегающий шелест по коже.
До свиданья, любовь! Кто-то видел «помочь»,

Я же видел последние слёзы.

Цвет неба

Герасименко Сергею

Цвет неба имеет значенье,
Если небо над другом плывет...
И у птицы пернатое рвенье —
Начинать к нему легкий полет.

Её взмахи имеют значенье,
Если другу помогут дышать,
Прошептать свое ласково пенье,
Серебристой листвы отыскать.

Их равнины имеют значенье,
Если другу приятно на вид,
Продолжая собою цветенье
Юных стеблем, крепнувших ив.

Их пыльца и их сок разлетятся,
Словно краскою, в воздух пойдут,
Онемеют, сожгут, испарятся
И цвет неба собой создадут.

И он будет Твоим вдохновеньем,
Что у сердца, пылая, молчит.
Цвет халата имеет значенье,

Если белый не только на вид.

«Я ставлю прочерк своим мыслям...»

Я ставлю прочерк своим мыслям
В осенней теплой тишине.
Я снова прячусь в этих листьях,
На желто-алой нагоде.

И нет сомненья в том, что небо
Свирепей нашей доброты,
Но только, знаешь, нужно время,
Чтоб позабыть глаза твои.

Тебе

Да будет смят желавший смерти
В кольце бегущего метро!
Да будет сжит вставлявший жести
В твоё далёкое окно!
Да будет стёрт рисунок страха!
Туманы лёгкие в вине...
Твоим лицом – на сердце плаха,
Моей рукой – в твоей руке...

«Я смотрю на огни неземных фонарей...»

Я смотрю на огни неземных фонарей
Вдоль протянутой дальше дороги,
Как печальным узором небесных аллей
Они красят уставшие ноги.

Но слетевший листок заплетается в мыс —
Между волос твоих над плечами.
Опустевшие ветки кидают каприз,
По холодному воздуху тают.

Ты спешила к нему. Он живет далеко.
Как дыхание сводят полеты...
Словно дым сигарет, просто здесь не тепло,
И не ловят, наверное, соты.

Даже в мыслях зимы я не смог прочитать,
Кем ты будешь сегодня на вечер.
Я смотрю на огни и пытаюсь понять:
Для чего я зажег эти свечи?..

«Развяжи мне глаза – я устал в темноте...»

Развяжи мне глаза – я устал в темноте
Ощущать, но не видеть свой дым.
И как странно бывает порой в пустоте
Разговаривать шепотом с ним.

А куда я пришел? И чего я искал?
Ты ответь мне, туманность огня!
Но потом... Подожди... Я сегодня устал...
Лучше вновь завяжи мне глаза...

«Я режу стемель розы косо...»

Я режу стемель розы косо,
Чтоб сохранить ее тебе.
Уже листвы ее иссохла
Так и не выросшая тень.

И все движения мои —
По капле смены к водопаду,
Она расценит как свои
Попытки выпить эту влагу.

И станет снова оживать,
Хотя уже другим цветеньем,
Но все же в новом амплуа
Не избежать ей опаденья.

А до того я буду ждать,
Пока твоя святая кожа
У губ прикроет эту гладь,
Вдыхая немощную дозу.

«Она не спит. Ей стало хуже...»

Она не спит. Ей стало хуже.
Уже на память раздают...
Наверняка и он простужен
И где-то кашляет в раю.

Пьянящий дождь, сухой и сладкий,
Теряет градус на лице.
Он не укроется в палатке.
Она не спрячется во сне.

Её лицо накрыто маской.
Дымят зажженные в окне...
Он пробирается украдкой
К её покою на земле.

Теперь не станут проноситься,
А будут медленно идти.
Такие радостные лица
Не говорят о темноте.

Но в час суда над их любовью
Молчанье сменится игрой.
Он пробежал сквозь преисподнюю
И загорелся синевой.

В её дыхание проникает
Холодный пепел его губ —
Она сегодня умирает...
Уже на память раздают

Открытки, фото, лица. Свечи
Дымят зажженные в окне.
Она не спит. Ей стало легче
От синевы на темноте.

«Нежная девочка, ласковый мальчик...»

Нежная девочка, ласковый мальчик
Где-то ходили по разным следам,
Разно держали с водою стаканчик,
Разно его подносили к губам.

Страстно любили своих ухажеров,
Пьяных красавиц, забывших себя, —
Нежно вели их за звуками стонов,
Ласково плыли в углах живота.

Только не знали они, что бывает,
То, что присутствует в голосе свет,
То, что глаза, несомненно, скрывают
Внятную боль, подтянувшую плед,

Где-то к коленям своим, к подбородку;
Спрятавшись, скрывшись...
– Да что же со мной?!
Руку спускала – молила украдкой.
Смазывал стекла холодной водой.

Всё на земле ведь имеет подсказку.
Выдох внимает незыблемый вдох.

Нежная девочка тронула ласку,
Ласковый мальчик от нежности сдох!

«Нежнее сомненья о точности чувства...»

Нежнее сомненья о точности чувства,
Красивей огня онемевшей свечи
Качалась зима – задымлённая люстра
В осенней и жаркой ночи.

И листья стелили ковры у подножья.
Я видел: они вдохновлялись тобой.
Как только касались холодного ложа,
Парили опять над землёй.

И, вновь долетая до веток деревьев,
Садилась туда на чуть-чуть отдохнуть,
Но вдруг замерзали в цветные мгновенья —
Их небо старалось вернуть.

В тебе я нашёл и своё вдохновенье
И выразил это в любви.
О точности чувства нежнее сомненье,
Красивей огня у свечи...

«Мне приснятся твои поцелуи...»

Мне приснятся твои поцелуи
Самых нежных и ласковых губ.
И по шее небрежно подует
Ими созданный ветер до рук.

И меня, словно голую птицу,
Опереньем накрыли опять,
И сказали, что можно кружиться,
Сквозь небесные вихри летать.

Мне приснятся твои поцелуи.
Эта ночь и для них поднялась,
Словно кто-то на сердце рисует
Этот день, когда ты родилась.

Крона

Смотря на след, что летом был,
Мы, оглянувшись, скажем:
– Когда еще так Бог любил?
И крона нам подскажет

Своими каплями судьбы,
Как линия от света,
Идут к земле ее дожди,
Не помня это лето.

Шаги по лужам отведут
Все взгляды на звезду.
Из листьев желто-алый пруд
Разлегся поутру.

Ступают тихо, вся листва
И даже капли сверху,
Осенним вальсом шелестя,
Проходят эту веху.

Когда в зонтах прохожих нет
Рисунков и цветов,
А черный купол под отвес
Терзает их и бьет.

Лишь мы с тобой из сотен звезд
Осеннего циклона
Найдем одну, чтоб небосвод
Краснел, как эта крона.

«И даже нежное лицо...»

И даже нежное лицо,
Когда, наверное, ты спишь,
Осенним шепотом в окно
Неслышно с рамы пробежит.

Есть на земле смелее бег,
Не с края пропасти вперед,
Украшив чуткости ответ:
У края губ разрезать лед

И побежать к такой войне,
Чтобы хотелось воевать,
Чтобы подумать о Тебе
И вдруг об этом не узнать.

Но не удастся скрыть глаза
Рукой, предметами, закрыв,
Они нелепые всегда,
Стремятся взгляды повторить.

И оттого, дыша быстрее,
Как над дыханьем бега власть,
Застыну в пропасти твоей,
Так не сумев туда упасть.

И даже нежное лицо,
Когда, наверное, ты спишь...
Увидев, как беру пальто,
Ты улыбнешься и простишь...

Зима

Если Ты меня слышишь, прости!
Я не смог оставаться с Тобой!..
Нежный шорох упавшей листвы
Не глуши у себя под ногой.

Не заставь улетающих вверх
Заболеть и не тронуться в путь,
Белых клавиш их перьев не режь,
Не сдави их пернатую суть!

И, взглянув в облака, не кричи,
Что асфальт таким ноющим стал:
У природы глухие ключи
От дверей в недостроенный храм.

И не плачь, на скамейке склонясь...
Ты, наверно, забыла зайти,
Перепулав осеннюю грязь
С целомудренной пеной зимы.

Если ты меня слышишь, прости!
Я не буду отныне с Тобой...
Я привык оставаться один,
Даже если ты рядом со мной...

«За плиткой спрятана стена...»

За плиткой спрятана стена...
Холодной ванны пол.
И мокрый след на зеркалах
Рукою наведён.

Но в музыкальности воды
Задумана печаль,
Осталось только растворить
Немого тела дань.

И ты в движении стоишь,
Не в силах осознать,
Что этот временный мотив
Тобой намерен стать.

«Если листья упали от ветра...»

Если листья упали от ветра
И застыли немymi в глазах,
Затаились и тут же мгновенно
Оказались в твоих волосах...

Если листья в плечах окунались
И заснули на этих плечах,
Затаились, но тут же распались,
Чтоб в твоих оказаться руках...

Если листья на пальцах лежали,
Если трогали пальцы твои,
Затаились и тут же упали,
Свой покой обретя у земли...

Если ты меня любишь, послушай!
Я от ветра упал по весне,
Затаился и стал непослушен,
Потому что я падал к тебе.

Волчица

В лесу под кустами, у старого дуба,
Что к северу смотрит который уж век,
Увидела мать онемевшие зубы
И красную грудь – натворил человек.

И мягкое, малое, нежное тело
Глотало последние капли росы,
Дышало так яро и часто, несмело —
Так больно кровавою пеной груди.

И лапки тряслись, и рычал он так нежно,
Как будто у мамы спросил: почему
Ему вдруг так больно? По-детски, небрежно
Прижаться хотел к волосам и соску.

Она подошла, он схватил её больно —
Заглатывал все; по-другому кормить...
И лопались слезы молочного сока,
Собой орошая свирепую жизнь...

И он нежно взглянул на дрожащую мать...
– Спаси... (захлебнулся)... бо... (лужа)...
А она, вмиг завоя, зубами впилась
В кору долговечного дуба.

И слезы волчицы лились и лились
Под корни и розовый клевер.
Теперь старый дуб нагибается вниз —
Не смотрит он больше на север.

Поэт

Он кидается стаями новых оков,
Ударяя по радуге мест.
Потной ручкой рисует он окрики слов,
Возвышая живой анапест.

Щеки вянут от слез: то, что пишет рука,
Заставляет пронзительно плакать.
Опуская свой взгляд, закрывает глаза
И роняет хранителя знаков.

Эти сны – те, что дарят ему не всегда
Кровь из носа, стальную икоту.
Его тайны открыты на этих листах...
Темный стол и вчерашнее кофе.

Он проснется и крикнет: «Фиеста! Огню
Этой лампе далекого света».
И немало стихов посвятил он ему,
Но душа все еще не согрета.

Все еще что-то ищет по темным холмам
И сражается с болью у птицы.
Все еще отдается крылатым стихам
Для полета на этих страницах.

«Куда зовет растаявший губами...»

Куда зовет растаявший губами
Осоки нежный стебель без листа?
Кого творит своими голосами,
Укрыв ладонь холодными плечами —
Равниной осени, да в эти холода?..

«Нашедшим крылья для полета...»

Нашедшим крылья для полета
Всегда труднее выбирать:
Ходить в росе, в асфальте нёба,
Или беспечно улетать?

Дарить улыбку, память, слезы...
Сгорать, для верности дыша?
Или среди обмякших, в воздух —
Упасть на перья-облака?

Кого представили... забыли.
Но прикасаясь и терпя,
Движеньем шелест обводили
Забытый шелест октября.

Но в танце листьев улиц парка
Она осталась танцевать.
Дождем, росой мылась лавка,
Зонтами клена не спаслась.

И покрывались лужи в листья...
Нашедшей крылья, чтоб летать,
Шептали легкие молитвы
И продолжали танцевать.

Следы

Последний след, а дальше только море
Водою гладит мокрые пески.
Ты удержалась бедностью во флоре
На гребне вечной немощной волны.

Как Ты любила видеть эти волны!
Как Ты страдала, если горизонт
Твердил о том, что тихо и спокойно...
В последний раз Ты чувствовала шторм,

Когда ни чаек, знаков, ни предвестий,
Когда пустынным видела Ты пляж,
В зрачках картины не было чудесней —
То был рисунок, солнечный муляж.

Среди причин и нежности течения,
Как будто берег чувствовал и жил,
Ты улыбнешься яркости виденья:
В воде и свете двигался дельфин.

И Ты шагнула дальше, приближаясь,
Уже в песке коленки от воды,
Прикосновеньем к телу, извиваясь,
На дне увидел он Твои следы.

И подхватил Тебя своим дыханьем,
И вдруг волна ударила в глаза...
Как Ты любила это наказание —
В последний раз Ты видела меня.

Удержи

Мной вновь утрачен день в часах без хода,
У края рамы и окна.
Я вновь скольжу неспешным ходом
Через промежности окна.

Я представляю то движенье
И хохот веток по пути,
Но я стою, ведь есть сомненье,
Чье имя знаешь только Ты.

Я вижу все локоны лета,
Незащищенность от любви.
Но как же нежно тронут плодом
Еще не конченной зимы.

Но Ты даешь мне право действий —
В проемах окон есть ключи
И в их плаценте ржавы жести...
Но что-то держит... это Ты.

Ты слов не скажешь, будешь реже
Смотреть на то, как зреет страх.
И взгляд заманит и удержит,
Забьется ход в немых часах.

«Невесело... Прости мне грусть...»

Невесело... Прости мне грусть —
Моё ненастроенье.
Мои глаза хотят уснуть
И видеть сновиденья,

В которых, может быть, и я
В цвета обвязан буду,
И сила рьяного огня
Мне запретит простуды,

В которых ты меня найдешь
Совсем другим, в улыбке,
Тихонько, нежно поведешь
Своей рукой ширинку

Но сны всегда не по весне,
Они когда-то в осень.
Лишь в черно-белой полосе
Я отдыхаю ночью.

Моя печаль мне не скулит,
Не трется у порога,
Но просто что-то там дрожит,
Совсем чуть-чуть и много.

«У нас дожди. Проснулись сновидения...»

У нас дожди. Проснулись сновидения
Водохранилищ полных в небесах
И по оранжевой большой оранжерее
Полились сны и слезы. На губах

Не разобрать что с неба, что с ресницы —
Уже не вспомнить, где они сошлись.
Ты заставляешь дождь остановиться,
Как только плакать можешь прекратить.

Не говори, Ты лучше улыбайся —
В окне погоду можно рисовать!..
У нас дожди, прошедшие как вальсом,
На «раз-два-три» упавшие в кровать.

«Кленовая желтая лента...»

Кленовая желтая лента
Сплела под скамейками нить,
Ручьями оранжевой лейки,
Парковочный выведя риф.

Эстрада не мокнет корою,
Но утром рососою дрожит
И в воздухе пахнет зимою,
Прохладный немеет мотив.

И в сроках такой перемены
Во время осенней весны
Ты спрятала наши метели —
Величие юной мечты.

И часто распущенный волос
Сплетается желтой рекой,
Кленовой, отчаянной позой
Он движется рядом со мной...

Не может смотреть и не смотрит —
Глаза видят тоже внутри!
И только моменты по коже
Рождают осенний мотив...

«Ясна причина темноты...»

Ясна причина темноты:
Нет света над водой
И долгих линий валуны
Видны едва Тобой.

Закрыты в ящики под ключ
Любимые слова,
И сок чернил не льется в луч —
Не множится строка.

И не горит тепло руки
Там, где гореть должно,
И от того нет света в них,
И оттого темно!

Закончен долгий променад
По берегу реки,
Ведь я, по сути, виноват
В причине темноты.

«Нет среди трав, растущих вверх...»

Нет среди трав, растущих вверх,
Такой что трогает ресницы,
И, докасаясь ягодицы,
Уходит дрожью по ноге.

Нет среди скошенной травы
Такой, что станет колыбелью,
Приятной, мятною постелью,
Как утро солнечной зимы.

У них не будет вдохновенья,
В их жилах ранены ростки
И трав великое цветенье —
У них давно без перспектив!

Косатка

Их точно хватит, чтобы дно
Иссохших впадин океана
Заполнить сладостью обмана
И вечным счастьем до краев...
Чтобы в их волнах навсегда
Косатка свыклась с ощущением,
Что от ее сердцебиения
Сильнее жметя у кита.

Их точно хватит, чтобы рос
Последних саженцев посланец
В краю, где не был этот танец
Воспет до этого всерьез.
И между засухой и днем
Он будет жить теперь другими
Глазами вечными иными,
Пока питается дождем.

Их точно хватит, чтобы я
Теперь в них верил по-другому...
Непослушание закону,
Незабываемость огня...
Такое чувство, будто вмиг
Горят, и льются, и кидают,
И дуют ветром, и ласкают

В последней лампе мотыльки.

Они-то точно будут здесь —
Сок по щекам и размываться,
Когда придет пора прощаться,
Они не примут эту весть
И впадин риф заполнят в дне,
Размыв на берегах посадки —
Не свыкнуть маленькой косатке,
Что кит остался на песке...

«Ярки объятья...»

Ярки объятья,
Прекрасны и скрыты,
Есть только нежность движенья руки.
Губ недрожанье, но дрожью налитых:
– Ты же согласна со мною идти?..

Как по вечернему летнему крику
Звезд, что упали у пальцев Твоих.
И дополняли собою молитву,
Пахли губами, как белый налив.

Сердце взорвалось – и стало немного,
Стало теплее. Теплее в груди.
Глаз Твоих звонких мне много и много...
– Ты же согласна со мною идти?..

Как по весеннему светлому зову,
Кроны черкали из листьев плетей;
Пали коврами, к признанью готовы:
– Ты же ведь будешь женою моей?

– Звезд всех сиянье у ног не заменят,
Мягким коврам не понять глубины,
Лишь бы Твое ощущение веять
И целовать Твое сердце в груди...

*Кем бы ни быть мне, но раненой птицей
Я же сумею к Тебе долететь,
Я, умирая, закончу молитву
И Твои руки смогу отогреть.*

*Ярки объятья,
Прекрасны и скрыты,
Есть только нежность движенья руки.
Губ недрожанье, но дрожью налитых:
– Да!..
Я согласна с Тобою идти...*

Осенние скидки

Заметный еле первый снег
Уже не мог держаться:
Его несущий оберег
Пустил его смеяться.

И он летел холодной тлём
Об руки и колени,
Непонимающе простой
И первый в этом небе.

Для октября любимый сын,
Из парков разукрашка,
В приоритете с золотым
На них сидит рубашка.

И ей не думать привыкать
К соскобам этой пыли,
Что норовят ее умять
И отбелить отныне.

Доразбери свои слова —
Уж слишком больно мажут...
Они к началу октября
Зашли на распродажу.

Анна

Я Тебя никогда не увижу
В бойком вихре закатных штормов,
Потому что сумею предвидеть
Их свирепых начала оков.

И закрою ладонью от ветра
Каждый звук и биенья момент
Твоего неокрепшего сердца,
Что под веяньем тянется в плен.

Никогда им не дам прикоснуться
Среди пальцев и кожи щеки!
Я заснул и не смею проснуться,
Потому что мне снишься лишь Ты!

«И осень зиме признается в любви...»

И осень зиме признается в любви...
На голые ветки взирая,
Зима, как ребенок, от счастья дрожит,
Свой снег, как листву, предлагая.

И тянутся руки осенней поры
В прохладное зимнее утро.
Они не случайно друг друга нашли —
Связало их вечное чувство.

Какое ты счастье, подруга моя!
И сердце твое, твои руки
Укутают вышивкой белого льна
Души замерзающей звуки.

И стану я небо о счастье молить,
В ладони держа на огне, —
Дыханье свое навсегда подарить,
Как осень когда-то зиме...

Публикация в газете

«Утро вечера мудренее»

от 8.12.2006 г. № 48(573)

Зима

Ангел

...дальше нежность, примеряя
К своду глаз свою луну,
Потихоньку засыпает
Ангел, бросивший иглу...

И по венам тянет поза,
Аж до мягкости пера,
Как расплывчатость мороза
Теребит его уста...

Он твердит о том, как больно
Потерять, кого не знал.
Эту жизнь по лункам вольно
Он без смысла разыграл.

И согнувшись – холод давит —
Век ресницы налиты,
Кровью-соком высыхают
Хлопья на краю плиты.

Крылья порваны и смяты,

Нет черты во взмахе рук.
И по рёбрам от утраты
Через грудь лишь слышен стук.

«Только голос хрипло кинешь», —
Ангел говорил слова:
«Я люблю её! Ты слышишь?
Я люблю!» И вдруг в глаза

Яркий свет от Бога свыше
Разлетел по небесам,
По асфальту, плитам, крышам
Он развеял всё, что знал...

И, очнувшись, ангел бредил:
«Хлопьев, порванных за снежность...»
Её слёзы в Иудее.
Ну а дальше? Дальше нежность...

«А ночи дарится печаль...»

А ночи дарится печаль
И тишина порой.
На губы спустится вуаль,
На волосы фатой

Приляжет, может, первый снег,
Над августом смеясь.
Я в тех глазах увижу грех
И покаянья часть.

Я знаю: может, уже есть
В твоих сердцах любовь,
Но в тишине нелепый смех
Мне сниться стал порой.

«Опять в глазах своя боязнь...»

Опять в глазах своя боязнь,
Но страх – точнее слово.
И я отдам ему ту дань,
Что бьется сердцем снова,

Что заставляет тело лечь
От холода на землю.
И, согреваясь, ей напеть
Мотив всего скольженья...

От высоты, как в первый раз,
Когда глаза летали
До ниши, сложенной в рассказ, —
До повести упали.

Подойди

Подойди, подойди...

Я увижу.

Я тебе обо всем расскажу.

Так склоняются кронами ивы,

На ладонях рисуя листву.

Прислоняясь к щеке и по шее,

Словно дрожью пронзая сильней,

Его губы дарили движенье:

– Ты же будешь женою моей?

Не смотри, не смотри...

Это слезы.

Это только немного дождя...

Как в обмякших ростках у березы,

На губах задержалась вода.

Прикоснулись соленые крылья...

Задрожав, задрожав, повела...

Ветки нежной березы и ивы

Заплелись, как слышали: – Да!

Подойди, подойди...

Я увижу.

Я тебе обо всем расскажу.

Как же сладко бывает предвидеть,
Я поэтому «горько» кричу!

«Сомкни во мне свои запястья...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.